

УДК 81'38;801.6;808

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПОСЛЕЛОГОВ В ТАТАРСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

А. Ф. Юсупов, кандидат филологических наук, доцент КФУ

В глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и особенно его поэтическую разновидность большим количеством инородных не только лексических единиц, но и грамматических элементов, тем самым культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка, прежде всего языка поэзии [1; 99]. При употреблении норм литературного языка происходила своеобразная дифференциация: поэтические произведения сочинялись в «возвышенном» поэтическом стиле и они были предназначены для «элиты» общества, в чей синтез входили ученые (голяма), религиозные деятели и поэты-суфии, большинство которых обучалось в Средней Азии и в арабских странах, которые в совершенстве владели арабским и персидским языками. Как отмечает М.И. Махмутов, большинство татарских классиков XVII–XIX веков сочиняли свои произведения под воздействием арабо-персидской и среднеазиатской классической литературы, подражая ей. Именно поэтому их произведения изобилуют арабо-персидскими заимствованиями и грамматическими формами, понятными разве что для узкого круга просвещенных лиц [2; 12].

Как отмечает английский исследователь суфизма Аннемари Шиммель,

«суфизм способствовал развитию языка: юристы, теологи и переводчики придали и без того богатому и красивому арабскому языку еще большую гибкость, введя в него новые измерения. Мистики также внесли значительный вклад в этот процесс. Рассуждая о «приключениях мистиков» в языке, Поль Нвийа отметил тот факт, что «благодаря мистикам в недрах арабского языка сформировался аутентичный язык мистического опыта». В сочинениях ранних мистиков можно обнаружить не только разнообразие грамматических средств, но и глубину мысли, возрастающую по мере того, как мистический опыт становится все более утонченным» [9; 34]. Для обычной персидской художественной литературы существовала нормативная поэтика, которая разрабатывала правила построения «украшенной речи» исходя из грамматического учения о соответствии (танасуб) формы (лафз) и значения (маани) слова или поэтического высказывания. Она требовала логической выверенности изобразительных средств поэтического языка, строгого лексического соответствия (мунасибат-е лафзи) всех элементов поэтической речи. В отличие от нее суфийская концепция речи зиждилась на идее семантической неопределенности текста, представлении

об онтологическом несоответствии «лафз» и «маани» [3; 95]. Известный французский иранист Ж. Лазар, изучая символический характер газели Хафиза, сделал ряд интересных замечаний о ее языке; смысл его суждений заключается в том, что газели Хафиза присуща некая сверхъестественная выразительность, многозначность и многоступенчатость ассоциаций [3; 96]. Употребление суфийскими авторами символов, ассоциаций, мистической игры слов и звуков и т.д. свидетельствует об обладании ими весьма разработанным, стилистически сложным «техническим языком» [9; 50]. Таким произведениям присуща глубокая и сильная инструментовка, которая со временем становится своего рода «каноном».

В этом отношении несомненный интерес представляет и поэтическое наследие татарских суфийских авторов XIX века. Изучение их наследия путем тщательного описания стилистических особенностей приобретает несомненную актуальность. Язык суфийской поэзии данного периода отличается необычайной образностью и экспрессивностью, разнообразием грамматических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. Возьмем, к примеру, стилистическую вариативность послелогов.

В текстах исследуемых произведений обнаруживается большое разнообразие послелогов, выражающих различные отношения между знаменательными словами. По семантическому признаку обнаруживаются послелогов: *пространства, времени, направления, совместности, подобия, сравнения, сопоставления, замещения, причинные, цели*. Кроме того, по своему происхождению послелогов условно можно разделить на три группы: 1) собственно тюркские, 2) персид-

ские, 3) арабские. Как известно, в современном персидском и арабском языках послелогов как таковые не существуют. Несмотря на разделение служебных слов по происхождению, мы, в первую очередь, обращаем внимание на синтаксические функции данных слов. Как известно, послелогов характерны только для тюркских языков, а в персидском и арабском языках эту функцию выполняют предлоги.

Тюркские послелогов, употребляющиеся в языке исследуемых поэтических произведений, относятся к двум группам.

1. Послелогов, употребляющиеся с именами в основном падеже и с местоимениями в притяжательном падеже: *ilä* «с, вместе», *ilän* «с, вместе», *belän* «с, вместе, посредством, по», *belä* «с, вместе», *berlä* «с, вместе», *berlän* «с», *kebi* «как, словно, подобно», *dik* «как, словно, подобно, точно», *öçen* «для, ради, из-за, чтобы», *säbäbdän* «по причине, из-за, ввиду».

2. Послелогов, сочетающиеся со словами в исходном падеже: *birü* «с тех пор, с».

Кроме тюркских послелогов, для суфийских произведений характерно активное употребление *персидских предлогов*. Наиболее активны из них: *ta* «до», *ba* «с», *där* «в, внутри, при, под», *bi* «не, без (бес)», *na* «не, без (бес)». Заимствованные персидские предлоги относятся к следующим семантическим группам: *времени, совместности, инструмента, места и др.*

Из *арабских предлогов* в исследуемых произведениях чаще всего встречаются: *fî* «в», *bi* «с», *käj* «как, подобно», *çajre* «кроме, помимо», *bäydä* «после». Арабские предлоги можно разделить на несколько семантических групп: *пространства, совместности, сравнения и уподобления, исключения, времени и др.*

Послелог *ilä* «с, вместе, посредством» активно употребляется в языке изучаемых произведений, выражая следующие оттенки значений:

1. В сочетании с именами, обозначающими лицо или предмет, совместность, взаимность действия: *can ilä iman – ikäulär – ber öjüdä bal ečär* [8, 99] «душа и вера – вдвоем – пьют в одном доме мед (вино)».

2. Инструмент или средство, с помощью которого совершается действие: *bu xat ilä ütendem any sezdan* [8; 121] «данном письмом просил я этого у Вас».

3. В сочетании с абстрактными именами – образ и способ совершения действия: *künleçe yujsuq ilä dörgez kem, ülem canuñdadyr* [8; 80] «лечи любовь свою душу, в ней поселилась смерть».

4. Время протекания действия: *hämçälis ulsañ qajčan köber ilä* [8; 126] «когда вырастешь, станешь советником».

Как известно, в тюркских языках, в том числе и в татарском, послелог с именами пишутся раздельно. Однако нами зафиксированы случаи, когда послелог пишутся слитно с именами, что характерно для многих огузских языков: *xösenilä kerde zälalät julyna* [8; 94] «добровольно пошел по пути унижения (низости)».

Как отмечают исследователи, послелог *ilä* употребляется главным образом в тюркских языках юго-западной группы. Происхождение его до конца не выяснено. Одни исследователи сближают этот послелог с глаголом *il-* «присоединяться», другие видят в нем результат фонетической эволюции *birle > bile > ile* [5; 496–497].

Послелог *ilän* «с, вместе» является фонетическим вариантом послелога *ilä* и передает в большинстве случаев значения совместности, взаимности

действия, а также образа и способа совершения процесса: *baquj yömetem ähle täqwalar ilän kičsen bänem* [8; 87] «пусть оставшаяся моя жизнь проходит в благочестии вместе с верующими». Послелог *ilän* отмечен в произведениях на староузбекском и старотуркменском литературных языках [5; 497].

Послелог *belän* «с, вместе, посредством, по» как в современном татарском литературном языке, так и в его диалектах, в языке исследуемых поэтических произведений имеет широкое употребление. Данный послелог встречается в фонетических вариантах *belä, berlä, berlän* и выражает следующие значения:

1. Совместность, взаимность совершаемого действия в сочетании с именами, обозначающими лицо или предмет: *näçä etminan idärsän oşbu batujl berlä* [8; 81] «как ты можешь доверять этому неверному (что общего у тебя с этим неверным)».

2. Орудие, с помощью которого совершается действие: *irlär oçar himmät berlän, qoşlar oçar qanat berlän* [8; 103] «мужчины взлетают с помощью благотворительности, а птицы с помощью крыльев».

3. Пространственное значение – в сочетании с именами, обозначающими место: *tuğru jul berlä waralym* [6; 104] «иду прямой дорогой».

4. Причинно-следственное значение в сочетании с именами, имеющими абстрактное значение: *qajju berlän qatdy başum* [8; 103] «печалью охвачена моя голова».

Послелог *bilen / birlen* «с, вместе с» является общетюркским. Уже в древнетюркских памятниках отмечены такие его варианты, как *birlä, bilä* и *bilän* [5; 496]. По мнению Г.И.Рамстедта, *birlä* состоит из *bir + rä*, где *bir* «один» и *rä* – окончание [4; 54].

В языке исследуемых нами произведений наблюдается стилистическая вариативность арабо-персидских предлогов и таких послелогов тюрко-татарского происхождения, как *ilä/ilän, belä / berlä / berlän*. Например, предлог персидского языка *ba* «с» выражает образ действия, орудийность, совместность: *ba safa ilä wıräsän sanuŋu* [8; 82] «с радостью душу свою отдаешь». Арабский предлог *bi* «с» также обозначает совместность или средство, при помощи которого совершается действие: *bi külli haŋa jöz totyb hämišä* [8; 85] «всегда следуй велениям Всевышнего».

Тюрко-татарский послелог *kebi* «как, словно, подобно, точно» употребляется для сравнения, сопоставления и уподобления (чаще по качеству): *bu julda ud kebi qyzmaq kiräk* [8; 85] «на этом пути необходимо гореть как в огне». Как известно, послелог *kebek* в современном татарском литературном языке употребляется с местоимениями в притяжательном падеже. Вместе с тем в языке суфийских произведений, в отличие от современного языка, послелог *kebi* используется с местоимениями в основном падеже, выражая сравнительно-сопоставительные отношения: *sän kebi ȳätħar bulȳaj, bulmaȳaj* [8; 99] «таким печальным, как ты, будет, иль не будет».

Послелог *dik* «как, словно, подобно, точно» также употребляется при обозначении отношений уподобления: *iseb jil dik, aqyb su dik tämamät, bu julda ud kebi qyzmaq kiräkder* [8; 85] «гуляя как ветер, протекая как вода, на этом пути необходимо гореть как в огне».

В суфийских произведениях XIX века арабский предлог сравнения *käi* «как, подобно» является грамматическим синонимом тюркских послелогов *kebek (kebi), dik* и употребляет-

ся при сравнении, уподоблении лиц, предметов, явлений: *ȳäciz ašöftäder zar zäȳifem käi näxif* [8; 91] «как мученик, тихо и горестно плачет».

Тюркский послелог *öçen* «для, ради, из-за, чтобы», общий с современным татарским литературным языком и его говорами, в исследуемых произведениях имеет весьма активное употребление и выражает следующие значения:

1. Цель действия: *safa wä niȳmätä irmäklek öçen, cäfa wä miħnätä düzmäk kiräk* [8; 85] «ради достижения блаженства и благополучия необходимо терпеть (выдержать) мучения и страдания».

2. Причину действия: *sanuŋu sanan öçen qorban idär* [8; 84] «жертвует своей душой ради возлюбленной».

3. Замещение действия: *kildekeŋ üzeŋ öçender, i aȳa, anuŋ öçen äjderäm bonu säŋa* [8; 112] «ты пришел ради себя, о, дядя, поэтому говорю это тебе».

Послелог *säbäbdän* «по причине, из-за, ввиду, поэтому» выражает причину совершаемого действия, связь его с другим действием: *ul säbäbdän bašuŋa däülät homaju qunmady* [8; 98] «поэтому не села на твою голову птица феникс государства».

Послелог *birü* «с тех пор, с» (в татарском литературном языке употребляется в варианте *birle*) употребляется для обозначения исходного момента времени, с которого начинается действие: *bulalidän birü küŋlemdä sämaluŋdan äsar* [7; 414] «с тех пор живу под впечатлением твоей красоты».

В функции послелогов в поэтических текстах употребляются также следующие послеложные слова (служебные имена), которые можно разделить на *послелогии горизонтального плана* — *janunda* «у, около, возле, при», *jaȳa (jaŋa)* «к, в направлении, в сторо-

ну», *eġrā* «в, за, в течение, внутри»; *послелог вертикального плана* — *astynda* (*altyndaуу*) «под, снизу»; *послелог смешанного плана* — *ara* и *arasynda* «между, среди, посреди».

janynnda «у, около, возле, при» употребляется при обозначении места предмета, лица, возле которого происходит действие: *uĵan, jöz meŋ xätät januŋdaduĵ* [8; 80] «проснись, возле тебя тысяча опасностей».

jaуa (*jaŋa*) «к, в направлении, в сторону» выражает направление действия в сторону предмета: *oġ äle küklär jaуa* [8; 89] «лети-ка в сторону неба (облака)».

eġrā «в, за, в течение, внутри» указывает на совершение действия внутри предмета или при каких-нибудь обстоятельствах: *küŋel zindany eġrā saqla gazy* [8; 108] «секреты храни в темнице души». В языке произведений намечается также стилистическая вариативность тюрко-татарского послеложного слова *eġrā* и арабо-персидских заимствованных предлогов. Например, персидский предлог *dār* «в, внутри, при, под» обозначает пребывание внутри чего-либо: *dār haġiqät, äxiläreŋ bonlar hämin* [8; 125] «в действительности, лишь эти (люди) твои братья». И отдельные арабские предлоги могут выполнять те же функции: предлог пространства *fī* «в» выражает нахождение внутри чего-либо: *bel: fāna fī allahi* [8; 85] «знай: в воле Всевышнего наш конец».

Послеложное слово *astynda* «под, снизу» и его фонетический вариант *altyndaуу* указывают на совершение действия или нахождение чебо-либо под предметом: *ajaq altyndaуу özänġedän üġränmäk kiräk* [8; 86] «необходимо учиться у стремени под ногами».

Тюркские послеложные слова *ara* и *arasynda* «между, среди, посреди»

употребляется при указании на положение предмета, лица посреди каких-либо других предметов, лиц, явлений: *bu ikeneŋ arasynda bälki buduĵ bädrake* [8; 111] «между этими двумя этот, возможно, хуже», *möktadai din ara mäqbül üzeŋ, näfiz irmeŝ xalyq arasynda süzeŋ* [8; 124] «среди верующих уважаем ты, среди людей слово твое весомо» и т.д.

Кроме вышесказанных заимствованных предлогов, в языке суфийских произведений наблюдается активное употребление следующих *персидских* предлогов. Предлог *ta* «до, пока» обозначает предел в пространстве и во времени: *bāndan razuĵ ulyĵ ta äbäd* [8; 101] «до конца будь доволен мною», *ta terek sez, dustlarym, ber bereŋä yuĵzät quĵuŋ* [7; 416] «пока живы, друзья, оказывайте уважение друг другу» и т.д.

Предлоги *bi* «не, без (бес)» и *na* «не, без (бес)» являются грамматическими синонимами и указывают на отсутствие предмета или явления. При помощи данных предлогов активно образуются имена прилагательные: *tuĵmady härgiz anadan bän kebi bi ĉara qol* [8; 89] «никогда не рождался от матери такой несчастный раб, как я», *raĥmdendin naċmid ŝajtan toruĵ* [8; 133] «надеяться на твое милосердие не может только шайтан (дьявол)» и т.д.

В языке исследуемых произведений активно употребляются такие арабские предлоги, как *ĵajre* «кроме, помимо», *bäyda* «после». Предлог исключения *ĵajre* «кроме, помимо» сочетается со словами в исходном падеже и обозначает лица, предметы, явления, исключаемые из определенного их ряда лиц: *ta sane belam ki, sändän ĵajre ĵarym qalmady* [8; 102] «а тебя я знаю, не осталось у меня другой возлюбленной, кроме тебя».

Предлог *bäyda* «после» употребляется при выражении времени: *bäyda, i*

axel-yaziz yäbdel-qawı... [8; 123] «потом, о, дорогой брат Габду-ул-Кави...».

Таким образом, в суфийских произведениях XIX века диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных (в частности арабского и персидского) языков, что отчетливо проявляется и на грамматическом уровне. В суфийских

произведениях наблюдается стилистическая вариативность тюрко-татарских послелогов и арабо-персидских предлогов. Арабо-персидские предлоги употребляются в основном в стилистических целях, что позволяет поэтам избежать многочисленных повторов одной и той же формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Благова Г.Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов / Г.Ф.Благова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 86–100.

² *Махмутов М.И.* Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Махмутов; Казан. гос. ун-та. – Казань, 1966. – 20 с.

³ *Пригарина Н.И.* Хафиз и влияние суфизма на формирование языка персидской поэзии / Н.И.Пригарина // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1989. – С. 94–119.

⁴ *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание (Морфология) / Г.И. Рамстедт. – М.: ИЛ, 1957. – 117 с.

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 557 с.

⁶ *Фәхретдинов Р.* Асарь. 4 жөзъэ. 1 нче жилд. / Р.Фәхретдинов. – Оренбург, 1903. – 204 б.

⁷ *Фәхретдинов Р.* Асарь. 13 жөзъэ. 2 нче жилд. / Р.Фәхретдинов. – Оренбург, 1907. – 422 б.

⁸ Шәмсетдин Зәки шигырьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими (гарәп графикасында). – Башкортстан Фәннәр академиясенәң Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, ф.3, т.63, б.47, б.178.

⁹ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт / А. Шиммель. – М.: Алетея, Энигма, 2000. – 416 с.

Аннотация

В языке произведений поэтов-суфиев XIX века диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных языков, что отчетливо проявляется и на грамматическом уровне. В них наблюдается вариативное употребление тюрко-татарских послелогов и арабо-персидских предлогов – сочетание грамматических элементов тюркских языков с арабо-персидскими. Подобная стилистическая вариативность была традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

Ключевые слова: язык, история языка, стилистическая вариативность, послелог, послеложные слова, предлог, суфизм, суфийская поэзия.

Summary

The traditions of old Tatar and eastern languages are dialectically interconnected in the language of the works of the Sufi poets of the 19th century, which is also distinctly manifested at the grammatical level. The variative use of Turko-Tatar postpositions and Arab-Persian pretexts – combination of the grammatical elements of Turkish languages with Arab-Persian is observed in them. A similar stylistic variability was the tradition of the poetic version of the written literary language.